

КУМИРЫ

Начало

Первое свое стихотворение Андрей Андреевич посвятил собаке. Андрюша был тогда маленький мальчик, второклассник. Он шел по улице, а собаку мучили хулиганы. Была война, и все круто разговаривали матом. Дети тоже страшно бранились, и маленький А.А. не был исключением. И только собака не знала этих ужасных слов, она казалась возвышенным существом среди всего этого жуткого мира.

В 14 лет А.А. написал письмо Борису Пастернаку, тогда полуподпольному, мало кому известному поэту. Пастернак пригласил одаренного подростка к себе. Мальчик шел к Богу, а дверь ему открыл человек, к тому же плохо одетый. Мальчика поразило, что на свитере гения был оторван локоть. Но когда Пастернак начал говорить, юный Вознесенский открывал рот и слушал. Опыльному поэту в те годы не с кем было общаться, и он все выплескивал на своего юного слушателя. «В результате вся «переваренная» им мировая культура вошла в меня».

От Штатов я опупел!

Первая поездка А.А. за границу была в США. «Я тогда опупел от Штатов». Евтушенко, который тоже поехал в Америку, тот сначала по крайней мере был в Болгарии. Его приучали к загранице.

В США прибыла целая делегация советских писателей. Всех поселили в отеле на пятом этаже, а молодых Евтушенко с Вознесенским — на седьмом. В Америке, в Нью-Йорке. Ага, поняли все, значит, будет провокация. И действительно, ночью, часа в два, стук в дверь: «Евтушенко, Вознесенский! Откройте!» Евтушенко как более опытный отвечает из-под простыни: «Мы советские поэты, мы привыкли ночью спать». Голос из-за двери говорит: «Женя, я с тобой учился в школе, открой!» Молодые поэты затаились, и когда шаги в коридоре стихли, спустились в нижнем белье на пятый этаж — доложить о происшествии руководителю делегации. А у того был медовый месяц с секретаршей. Он расстроился, что его отвлекли.

А утром выяснилось, что приходил парень из ансамбля Моисеева, который тоже гастролировал в Америке: он и в самом деле учился с Евтушенко.

Страх

В марте 63-го года на встрече с интеллигенцией в Кремле Хрущев орал на А.А. благим матом и грозился выгнать его из страны. Несколько лет назад случайно в Пензе обнаружили сенсационную пленку с записью этого самого ора. «Он орал на меня 20 минут. За ним стояли ракеты и лагерь. Все это было страшно». Началась травля. В Новосибирске А.А. выселили из гостиницы как «американского шпиона». В «Литературной газете» его называли «последователем Аллилуевой» и писали, что «ЦРУ подкладывает ему женщины». Это было особенно обидно, поскольку, оказывается, «это были не просто красивые женщины, которым я нравился».

Вдобавок ко всему А.А. надавал в Париже массу «глупых интервью». К нему пришел Илья Эренбург: «Андрей, что вы делаете? Ведь придется возвращаться». Но «я был тогда наглым парнем». Поехал без визы в Италию и получил там очень большой гонорар. Чтобы не делиться с «советскими товарищами», нужно было потратить эти нешуточные деньги за несколько дней. «Я пил, гулял, дарил подругам шубы». Себе А.А. оставил только картину Пикассо, которую ему подарил автор. А когда приехал в Москву, понял, что картина осталась в отеле, когда его «грузили» в самолет.

В итоге А.А. бежал из Москвы в Ригу, чтобы его не заставили каяться. Не звонил даже матери, потому что боялся «прослушки». Но ей позвонил корреспондент Ассошиейтед Пресс и сказал: «Антонина Сергеевна, вы знаете, что ваш сын покончил с собой?» И только узнав об этом, Вознесенский понял, что такое настоящий страх.

«Озу» напечатали без купюр

А было дело, А.А. всерьез собирался свести счеты с жизнью. Никто не хотел печатать его поэму «Оза», посвященную женщине, ставшей его женой. Эту работу А.А. считал самой серьезной своей вещью. Поэт написал два предсмертных письма. Одно — генсеку КПСС: А.А. обещал больше не мешать строительству социализма, поскольку добровольно уходит из жизни, и просил только опубликовать его последнее произведение. Второе — президенту США Джону Кеннеди: смысл был примерно тот же, только без «социализма».

Заклеив конверты-завещания, А.А. пошел к поэту Александру Межирову, у которого со времен войны хранился немецкий пистолет. «Дайте мне его, меня шантажирует банда, хочу попутать». Поэт-фронтвик сразу понял что к чему и сказал: «Вчера жена выбросила его в пруд. Слетайте в Тбилиси, там за триста рублей можно купить».

А.А. пошел занимать деньги. Перед самым вылетом в Грузию позволили из одного толстого журнала: «Андрей, нам нужно поднять подписку. У тебя есть что-нибудь эдакое? В редакции из поэмы попросили убрать только одну строку. Вознесенский, уже все для себя решивший, отказался. «Озу» напечатали без купюр.

Неудавшиеся убийства обычно вызывают юмор. А.А. сейчас тоже вспоминает эту историю легко.

Вознесенский и философы

Однажды на вечер А.А. в одном из германских университетов пришел Хайдеггер, великий философ. Они проговорили всю ночь. «Мне казалось, что я порол чушь, но когда потом получил стенограмму, удивился даже, каким уным был тогда».

А в Москве другой великий мыслитель — Жан-Поль Сартр — пришел на

Евгений ШЕЛЮКОВ

обсуждение сборника А.А. «Треугольная груша». Потом они встречались в Париже, Сартр с женой Симоной де Бовуар показывали русскому поэту ночной Париж и даже водили на мужской стриптиз.

Но однажды Сартр (который недавно отказался от Нобелевской премии) сказал где-то, что Нобелевскую премию Борису Пастернаку дали по политическим мотивам. После чего опять приехал в Москву и пригласил Вознесенского на ужин. А.А. пришел и сказал: «Сартр, зачем вы трогаете Пастернака? Вы же в нем ничего не понимаете». Сартр только смиренно улыбнулся. Тогда А.А. решил «добить» обидчика своего кумира: «Все знают, что вы отказались от Нобелевской премии, потому что Каю получил ее раньше вас». Вот тут-то великого интеллектуала проняло не на шутку, и с тех пор они с А.А. больше не общались.

Как Вознесенский был миллионером

В начале 80-х А.А. был беден как церковная крыса. Но однажды они

Стихи не пишутся — случаются,
как чувства или же закат.
Душа — слепая соучастница.
Не написал — случилось так.

ВОТ И А

С синими мирами связывая,
глядят глазами отцов дети —
широкоглазые
перископы мертвецов.

Мы обручились временем с тобой,
не кольцами, а электрочасами.
Мне страшно, что минуты исчезают.
Они согреты милою рукой.

РОМАНС

Запомни этот миг.
И молодой шиповник.
И на Твоем плече прививку от него.
Я — вечный Твой поэт
и вечный Твой любовник.
И — больше ничего.

Запомни этот мир, пока Ты можешь
помнить,
а через тысячу лет и более того,
Ты вскрикнешь,
и в Тебя царапнется шиповник...
И — больше ничего.

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ.
Эпизоды.

Сегодня Андрею Вознесенскому исполняется 70. Не хочется говорить унылые банальности вроде того, что «в это невозможно верить». Проблема, однако, в том, что... в это невозможно верить. В данном случае правда феерического таланта выше «правды жизни». Национальный соловей с хрустальной аортой и бронебойной энергетикой по определению исключает ветеранские ассоциации. (Поэт, кстати, так и не сподобился справиться себе пенсионное удостоверение.) Хрусталь не стареет, только с возрастом набирает в цене.

Белла АХМАДУЛИНА:

Нашей дружбе так много лет, и она испытана многими событиями — печальными или забавными. И эта дружба по мере времени несколько себя не утратила и не уронила. Андрей Вознесенский возник ослепительно, его явление было наиболее эффектным из всех наших поэтических явлений публике. Мы все приблизительно ровесники, но он казался свежее, моложе других. Он и сейчас такой же. Мы, несомненно, разные люди, с разными художественными устремлениями, но мы не утратили дружеской благородной нежности друг к другу. И это, наверное, единственно важно.

Сейчас авторитет Вознесенского непревзойден, для меня же его образ и объемней, и проще. Наша знаменитая история с Лужниками ведь не так долго и длилась: сначала вполуха слушало, вполглаза видело, а потом — очнулось. Когда появилась очередная сокрушительная статья о нем, я легко и весело написала стихотворение:

...Все остальное ждет нас впереди.
Да будем мы к друзьям пристрастны!
Да будем думать, что они прекрасны!
Терять их страшно, Бог не приведи!

Стихотворение кончается так, и я от этих слов никогда не откажусь.

Марк ЗАХАРОВ:

Дай бог, чтобы это случилось как можно позже, но когда поэт Андрей Вознесенский уйдет из жизни, в истории российской словесности он будет поднят на самую ее высочайшую вершину. Вслед за Пастернаком и другими величайшими нашими поэтами он продолжил реформу нашего бесценного русского языка. Он наделил русское слово какими-то сверхъестественными качествами, особой энергетической силой, которая удивительным образом воздействует и на сознание читателя и на подсознание.

Встреча с ним была для меня добрым знаком судьбы. Когда он появился рядом с театром и возникло наше трио — Вознесенский, Рыбников и я, — родился спектакль, который до сих пор паразитическим образом интересует зрителей. Первая русская опера «Юнона» и «Авось», видимо, обладает какой-то особой магией: я с удивлением наблюдаю, как все новые и новые поколения в некоем ажиотаже бросаются слушать и смотреть то, что мы когда-то сделали.

Я горжусь тем, что имею отношение к Андрею Вознесенскому: я могу с ним общаться, могу с ним советоваться — он иногда говорит мне вещи, важные и необходимые для моей профессии. Хотя прямых директив я от него никогда не слышал.

С отцом Андреем Николаевичем и сестрой Наташей

ХОЗЯЙКА
Раму раскрыв, с подоконника, в фартуке,
только ладонью лаская стекло,
моешь окно — как играют на арфе.
Чисто от музыки и светла.

ИМПАРКА
Не придумано истинней мига,
чем раскрытые наугад
недочитанные, как книга, —
размставшись, любовники спят.

ТОВАРИЩ МАМА
Когда ты была во мне точкой
(отец твой тогда настаивал),
мы думали о тебе, дочка, —
оставить или не оставить?

Рассыпчатые твои косы,
ясную твою память
и сегодняшние твои вопросы:
«оставить или не оставить?»

ПРОВИЗАНТОВЫЙ РОМАНС

— О чем печалишься, моя бесценная?
— Я вся бесценная.
Мои родители — совсем не церберы,
жизнь офицерская, но бесценная.
Мои приятели — фанаты Цепелина,
натуры цельные, но бесценные.
Скушны бестселлеры...
Была я целою — хоть все не нравилось,
была какая-то целенаправленность.
Страна за церковью —
с нормальным Цельсием,
не полицейская, но бесценная...
И пес безухий, как брат Винцента,
воет талантливо. Но бесценно.

вместе с композитором Раймондом Паулсом написали песенку «Барабан». «И я проснулся утром: и не листья за стеной, и не перья в подушке, а шуршат купюры. Вся страна собирала мне деньги. Во всех ресторанах играл барабан». А.А. стал миллионером. Композиторы-конкуренты Паулса обиделись, что «они с Вознесенским обограбли всю кассу». Пошли к председателю телевидения Лапину и наиграли ему на рояле мелодию «Барабана»: «Знаете, что это? Израильский гимн!» От страха все полезли под стол. И «Барабан» немедленно запретили.

А.А. с Паулсом, в свою очередь, тоже обиделись и написали «Миллион алых роз». Песню исполнила Алла Пугачева. «И все было сметено могучим ураганом, я опять стал миллионером».

Но тут А.А. подумал-подумал и решил: все, хватит, это же не мое дело — писать песни. Мое дело — писать стихи.

Подготовил
Виктор ГАЛАНТЕР